

Власу казалось, что он сходит с ума. Сосредоточиться никак не получалось. Сосредоточиться и принять творящееся вокруг как реальность, а не как страшный сон. Рядом, совсем близко, захлебывался собственной кровью Зверобой, а он не мог ни помочь, ни облегчить мучения. Он должен был остановить зло. Вот это рядящееся под рубаху-парня зло, которое смотрело на Власа с удивленной насмешливостью.

— Я сказал, не приближайся к ним!

Влас покрепче перехватил автомат, хоть и подозревал, что идти с автоматом против... этого — пустое дело. Или не пустое, а гиблое? Видел он и скорость, и ловкость, с которой орудовал Гриня. Это была нечеловеческая скорость и нечеловеческая же ловкость. Вот так-то...

— Стоять, — сказал Гриня ласково, но в то же время строго. Ему, Власу, сказал?

— Батя? — А это Митяй. Еле держится на ногах, но все равно держится, рвется к тому, кто больше не его... батя.

— И ты, парень, стой! — Не хотелось указывать на него вот так, автоматным стволом, но если по-другому никак, что ж остается? — Все стоим, не рыпаемся!

— Не рыпаемся, товарищ следователь. — Гриня улыбался, и в голосе его слышалась

покладистость. Вот только останавливаться он не собирался. Медленно, шаг за шагом, Гриня приближался к Власу. Хорошо хоть, что не к пацанам. — Вот видишь, даже руки поднял.

Он их и в самом деле поднял, но двигаться не переставал. И смотрел не на Власа, а куда-то поверх его плеча. Как же хотелось обернуться! Аж между лопаток зачесалось. Но нельзя, его на такой детский трюк не возьмешь.

А Зверобой перестал хрипеть. Отмучился...

— Влас Петрович, что вы делаете? — А это Всеволод. Всеволод всегда казался Власу рассудительнее Митяя. До тех пор, пока не надумал сбежать из отряда, ограбив арсенал.

— Что я делаю?

А и правда, что он собирается делать? Или другой вопрос поважнее будет? Что собирается делать Гриня?

Отвечать не пришлось. Даже с мыслями собираться не пришлось. Влас шкурой почувствовал, что за его спиной кто-то есть. Вот на этого кого-то и смотрел Гриня, смотрел и улыбался. Обернуться? Может, если быстро, если рывком, так и получится?

Что получится, Влас и сам не знал. Знал он лишь одно, что вот прямо сейчас оказался между двух огней. И еще поди угадай, какой огонь страшнее.

За спиной зарокотало, а затылок опалило таким холодом, что онемела шея.

— Горыныч, — сказал Гриня все тем же одновременно строгим и ласковым тоном. —

Да, вот это правильное решение! Разбираться нужно самому. И как можно быстрее, потому что если за спиной у него сейчас стоит упырь, то все... каюк.

Влас развернулся с максимальной стремительностью, всем корпусом, наставляя автомат на неведомого врага.

Враг и в самом деле оказался неведомый. Неведомый и невиданный. Из темноты на Власа выступало черное чудище о трех головах. Две головы были песьи, а третья... А третья болталась на шейных позвонках, клацала челюстями, зыркала красным из черных провалов глазниц. Вот тебе и оборотень... мало было упырей...

Чудище тихо рыкнуло, хлестнуло узким, похожим на кнут хвостом, и тонкая березка переломилась пополам. Влас попятился, передернул затвор. Осознание того, что эту красноглазую тварь пулей не зашибить, было таким же четким, как и осознание того, что теперь-то ему точно каюк.

По плечу вдруг деликатно похлопали.

— Товарищ командир, — сказал Гриня ласково. Сначала сказал, а потом врезал кулаком в висок с такой силой, что и без того темный мир сделался невыносимо черным и схлопнулся под яростный рык красноглазой твари...

...Сколько длилось это похожее на смерть забвение, Влас не знал. Наверняка он знал лишь одно: он до сих пор жив, раз так сильно, почти невыносимо болит голова. Застонать бы, завывать на манер той красноглазой твари...

Воспоминания о твари окончательно привели Власа в чувство. Окружающий мир посветлел, но не сильно. Света хватило ровно на

пяточек вокруг старой буржуйки. Вот на этом пятчке, прямо на земляном полу, Влас и валялся, связанный и обезоруженный. Он валялся, а Гриня сидел рядышком, наблюдал.

— Очнулся? — спросил все тем же обманчиво-вежливым тоном.

И как только понял? Влас, как очухался, не шелохнулся, не вздохнул, а темное нутро землянки изучал из-под почти сомкнутых век.

— Да знаю я, товарищ командир, что очнулся. Хватит Ваньку валять. Разговор у меня к тебе есть.

Разговор есть. Как любопытно и как неожиданно! Но раз он до сих пор жив, значит, и в самом деле есть разговор.

Влас открыл глаза, осмотрелся, теперь уже не таясь. Его приволокли в крошечную землянку, в которой и двоим-то не развернуться. Двоим не развернуться, а набилось в землянку четверо. Митяй лежал на единственном топчане с закрытыми глазами и в слабом свете свечи выглядел совсем больным. Рядом на табурете притулился Всеволод. Этот, кажется, дремал. Если не...

Влас уставился на Гриню.

— Все в порядке, — сказал тот шепотом, а потом вдруг добавил: — Я надеюсь.

— Чей схрон? — спросил Влас так же шепотом, хотя больше всего на свете ему хотелось спросить, куда подевалась трехглавая тварь.

— Мой. Еще с довоенных времен. Выйдем? Разговор есть.

Гриня встал сам и помог встать Власу, дернул за ворот куртки.

8 — Разговаривать так будем? — Влас обернулся на свои связанные за спиной руки.

— Там решим. — Гриня уже подталкивал его к выходу из землянки. — Пойдем, Влас Петрович, разговор у нас будет не для посторонних ушей.

На ребят он глянул с вполне себе человеческой тревогой. Да только Власа больше не проведешь.

Снаружи было темно, сыро и холодно. Кажется, наступила ночь. Влас огляделся, но в темноте толком ничего не разобрал. Хотя, сказать по правде, искал он только одно — красные огоньки, которые были у трехглавой твари вместо глаз.

Гриня прислонился спиной к стволу старого клена, закурил.

— Будешь? — Он протянул папиросу Власу.

— Буду. Развяжешь?

— Нет. Извини. — Гриня сунул папиросу ему в рот, чиркнул спичкой. Влас с наслаждением затянулся.

— Я думал, такие, как ты, не курят, — сказал, сжимая папиросу зубами.

— Какие — такие? — Гриня тоже затянулся и тоже, кажется, с наслаждением.

— Упыри.

Вот он и сказал то, что думал, то, что казалось еще более невероятным, чем трехглавый пес. Сказал и приготовился к смерти. Может, быстрой и легкой, а может, мучительной и медленной.

— Давно догадался? — Убивать Гриня его не спешил, зато разглядывал очень внимательно. Власу показалось, что в темноте его глаза тоже светятся. Как у kota в свете фар. Наверное, в самом деле показалось.

— Странности замечать стал еще в отряде, а окончательно все сложилось уже там...
на полянке, когда ты своих же в капусту...

Захотелось сплунуть себе под ноги, хоть как-то продемонстрировать свое отвращение, но Влас не стал, побоялся уронить папиросу, поэтому просто скривил губы в многозначительной ухмылке.

— Про своих это ты зря, Влас Петрович. Мои все там. — Гриня кивнул в сторону землянки. — А те, что на полянке, уже не люди... были.

— А ты, значит, человек?

— А я не знаю, товарищ командир. Может, уже и не человек.

Гриня глубоко затынулся, прикрыл глаза. Вот если бы прямо сейчас вот в этот самый момент боднуть его головой в живот... А дальше что? Видел он, с какой скоростью и с какой ловкостью двигается Гриня. И красноглазую тварь о трех головах тоже видел. Если уйдет от упыря, то не факт, что уйдет от твари.

— С парнями все в порядке? — Хотелось спросить о разном, а вот спросил о том, что было самым нормальным и самым привычным из всего происходящего.

— С Севой нормально, а Митяй... — Гриня открыл глаза. В глазах его была боль и не было упыриной черноты. Ногти, кстати, тоже были самые обыкновенные, лишь с черной каемкой грязи. Влас успел разглядеть эту каемку в свете красного огонька папиросы. — Митяй потерял много крови.

— Как?

— Так! — сказал Гриня и скрежетнул зубами. Крепкими, белыми — не упыриными. Кажется.

— Его покусали?

10 Гриня кивнул.
— Ты?

— Охренел?! — К скрежету добавилась не злость даже, а ярость пополам с обидой. — Я его отец, и вообще я никогда...

— Никогда — что?

— Никогда — никого! Ну, пораскинь мозгами, похож я на тех, с полянки? Хочешь, зубы тебе свои покажу?

— Не надо.

А мозгами он уже давно раскинул. Что-то не укладывалось происходящее в голове.

— Ты видел, как Зверобоя порвали? — Гриня не спрашивал, Гриня знал, что видел, поэтому Влас даже отвечать не стал. — Ты видел, как они действуют? Как зверье. Голодное, безмозглое зверье.

— А ты не такой?

— А я не такой. Пацаны живы. Ты, Влас, жив. Вот и скажи, такой я или не такой?

— Из тебя больше десятка пуль Зосимович достал. И все удивлялся, как такое может быть! Это ты уже тогда, выходит?..

— Выходит, так.

— Это в Гремучем ручье, да? — Вот Влас и спросил то, что все время хотел спросить. — В усадьбе тебя таким... сделали?

— Почти. В лощине. Попался я... как кур в ошип, попался, товарищ командир. Прямо в лапы одному из них. Думал, все — конец мне. Думал, сдохну. Да что там — думал! Боженьку молил о смерти! Да только, похоже, отвернулся боженька от таких, как я. Вот, видишь, до сих пор землю топчу.

— И что теперь? — Глупый вопрос, почти детский. — Как ты со всем этим... — И ведь слов правильных не подобрать.

— Что я жру, ты хотел спросить? — усмехнулся Гриня. — Не закусываю ли безвинными младенчиками?

Влас молчал. Что на такое сказать?

— В отряде твоём никто не пропал, не захворал?

— Нет. — Влас понимал, к чему клонит Гриня.

— И с... Лидой все хорошо?

— Насколько мне известно. Ладно, Гриня, рассказывай, как есть. Меня уже, кажется, ничем не удивить.

— Зайца сожрал, — сказал Гриня шепотом. — Когда совсем невмоготу стало, вот тогда и закусил безвинным.

— Зайцем закусил?

Кто бы мог подумать, что от этого вот дикого признания ему станет легче на душе! Заяц — это тебе не младенец.

Гриня в ответ молча пожал плечами. Папироса догорела, опалила кожу жаром. Влас разжал зубы, носком сапога загасил бычок.

— А потом сразу отпустило. Веришь, в глотку тебе впиваться мне совсем не хочется. Ни с голодухи, ни вообще.

Как ни странно, а Влас верил! Может, от безвыходности ситуации, а может, от дикости всего происходящего. С упыриной Грининой сутью они как-нибудь разберутся. Ведь сам Гриня до сих пор умудрялся разбираться. Сейчас нужно было спросить о другом.

— Кто это был? — спросил и многозначительно огляделся по сторонам. — Тот самый оборотень, про которого рассказывал Зверобой?..

— Можно и так сказать. — Гриня усмехнулся. — Это Горыныч. Ну, мы его так зовем.

— Мы?.. — Час от часу не легче! У красноглазой твари, оказывается, есть кличка. И это «мы»...

— Я и ребята. Сева, Митяй и Соня.

— Они тоже его, того... знают?

— Ну как знают? Горыныча по-настоящему, думаю, даже мама родная не знает, но встречаться с ним ребятам доводилось. Да ты не переживай, Влас Петрович, если он тебе тогда башку не откусил, так и сейчас не тронет.

— Почему?

Снова захотелось курить, аж засвербело внутри.

— На! — Гриня сунул ему в зубы папиросу. Слово мысли его прочел. Или в самом деле прочел? — Да не смотри ты на меня так. Это ж очевидные вещи, для этого не нужно быть упырем.

Возле самого лица вспыхнула спичка, отражаясь двумя красными огоньками в Грининых глазах. А потом Гриня тоже закурил. И сказал, глубоко затянувшись:

— Мало в жизни нынче осталось удовольствий. Есть могу, пить могу, а вот чтобы любить это дело, как раньше, — нет такого. Из прошлого чувствую вкус курева и вина. Даже самогон не в радость. Представляешь?

Влас представлял. Он бы даже посочувствовал. При других обстоятельствах. Но сейчас ему было не до гастрономических страданий Грини.

— Почему зверь меня не тронет? — повторил он свой вопрос.

— Потому что ты со мной. Считаю, под моей защитой.

Под защитой упыря! Под защитой упыря от трехглавой твари. В страшном сне такое не при-
снится.

— Я гляжу, ты быстро свыкся со всем этим...

Гриня взмахнул рукой с зажатой в ней папи-
росой.

— Выбора другого нет.

А ведь и правда. Какой у него оставался вы-
бор? После всего увиденного и не в такое пове-
ришь.

— И как тебе информация? — Гриня смотрел
Власу в глаза. Нормальным человеческим взгля-
дом смотрел, но волосы на загривке все равно за-
шевелились.

— В штаб о таком не доложишь, — сказал Влас
задумчиво.

— Вот и я так думаю. В штаб не доложишь, но
делать что-то все равно нужно.

— С чем делать? Откуда все эти... люди?

— Из Видова. Добрая половина на той поля-
не — мои односельчане. Из тех, кто от карателей
ушел. От карателей ушли, а от упыря, выходит,
не смогли.

— От какого упыря? — Вот и проснулся в нем
следователь. Давненько не высовывался. — Есть
какой-то конкретный упырь, от которого они ста-
новятся вот такими?

— Думал, больше не осталось. Выходит, оши-
бался.

— Так, Гриня, не темни! Рассказывай!

А в том ли он положении, чтобы требовать
у упыря, твари смертельно опасной, разъясне-
ний? Но ему ведь в самом деле нужно знать.

14 — А давай мы с тобой, Влас Петрович, за-
ключим сделку. Так сказать, джентльмен-

ское соглашение. — Гриня улыбнулся. Вот только улыбка у него получилась невеселая. — У меня в этом деле свой шкурный интерес имеется, но и у тебя, я же вижу, тоже осталось какое-то дельце в Гремучем ручье. Пока не понял, чего тебя туда так тянет, но про усадьбу я знаю побольше твоего. Глядишь, помогу.

— А взамен что? — Предложение, если разобраться, было дельное. Если отбросить в сторону тот факт, что Гриня никакой не джентльмен, а самый настоящий упырь, который не так давно сожрал зайца.

— А взамен ты нам поможешь. Мне и пацанам. С Митяем нужно что-то делать, а я пока не знаю что. К врачу ему нужно. До Зосимовича далеко, значит, придется тащить в город. А в городе, я так понимаю, знакомцы у тебя всякие водятся. Доктор точно должен иметься.

Доктор у Власа имелся. Старый, еще старше Зосимовича. Старше и осторожнее. Обращаться к нему можно было лишь в самом крайнем случае. Наступил ли этот крайний случай? Власу думалось, что наступил.

— Ну? — Гриня хмурился.

— Как будем до города добираться?

— Мои заботы. Что решил, товарищ командир? Принимаешь ты мои условия?

Выбора у него особого не было, да и желания тоже. Гриня хоть и упырь, но ведет себя пока вполне нормально. На вот этом «пока» Влас решил не заикливаться.

— Принимаю, — сказал и выплюнул догоревшую папиросу.

— Как приятно не разочаровываться в людях! — Гриня вытащил нож. Влас от-

ступил на шаг. — Да не переживай, товарищ командир, руки тебе хочю развязать.

Гриня обошел его со спины, проверил крепость пут, а потом прямо на ухо шепнул:

— Еще одно условие.

Влас ничего не ответил. Он боролся с желанием обернуться. А еще боролся со страхом, что обернется, а позади себя увидит уже не того Гриню, с которым всего пару мгновений назад заключил джентльменское соглашение. Вместо этого Влас закрыл глаза и последнее условие Грини слушал вот так, зажмурившись.

— Они не знают, — сказал Гриня шепотом. — Пацаны мои не знают, что я вот такой.

В голосе его послышалась такая боль, что Влас открыл глаза и обернулся. Он обернулся, но Грини позади себя не увидел. И веревка на запястьях уже была перерезана.

— Вот пусть так и остается. — Теперь голос Грини доносился из темноты справа от Власа. — Пока я не решу, что мне со всем этим делать.

— Или пока не вопьешься в глотку одному из них, — сказал Влас шепотом. Зря, наверное, сказал. Нельзя вот так с упырями. Но Гриня не обиделся и не разозлился.

— Есть такой риск, — сказал он с горечью. — Вот на этот случай ты и пригодишься, Влас Петрович. Если вдруг я начну того... сходить с ума, ты меня убьешь. Только тебе одному я могу доверить такое важное дело.

Гриня выступил из темноты, белозубо улыбнулся. Власу потребовалась вся сила воли, чтобы не отступить ни на шаг.

— Сейчас проведу курс молодого бойца, и будем выдвигаться. Перемещаться нам лучше по темноте.

— Что за курс молодого бойца? — Влас потер занемевшие от веревок запястья.

— По убийству упырей. Пацаны мои уже знают, тебе тоже будет полезно. Убить их... — он запнулся, а потом решительно сам себя поправил: — Убить нас можно несколькими способами. Осиновый кол в сердце — первый вариант, так сказать, классический. Ну и башку снести — второй вариант. Вот эти два наверняка, все остальное, подозреваю, остановит, но не убьет. В голову мне не стреляли, поэтому достоверно не скажу, ну а остальные мои раны ты видел.

Влас видел, специально присматривался, когда они сушились у костра. На Грининых повязках не было даже следа крови. Влас подозревал, что и ран больше никаких не было.

— Ну что, по рукам? — спросил Гриня и руку протянул.

Это было испытание. Или, возможно, последнее третье условие. Глядя в насмешливые Гринины глаза, Влас крепко пожал его руку. Рука оказалась крепкой, ни холодной, ни горячей, вполне себе нормальной.

— У меня тоже будет условие, — сказал он, не разжимая пальцев, не отводя взгляда. — Ты расскажешь мне, что случилось в Гремучем ручье. Про всю эту чертовщину расскажешь.

— Расскажу, — легко согласился Гриня и так же легко высвободил из захвата свою ладонь. А захват у Власа был крепкий. Он и сам был крепкий, хоть и невысокий. Как говорится, мал

да удал. Не сработала удаль с упырем. Упырь оказался удалее...

— А этот... — Влас оглянулся.

— Горыныч? — Гриня оборачиваться не стал. — Гуляет где-то, наверное. Власти у меня над ним нет, так... маленькое влияние имеется. Не переживай, товарищ командир, как объявится, я вас первым делом друг другу представлю. Познакомлю тебя сразу с тремя его головами, — сказал и невесело хохотнул.

* * *

Это был риск. Можно сказать, это был огромный риск, но чуйка, которая никогда Григория не подводила, нашептывала, что Власу Головину можно доверить даже такую тайну. Да и выбора у него другого нет. Он ведь не соврал, когда сказал, что нуждается в помощи.

Митяя до схрона донес Горыныч, а Григорий с Севой на себе тащили бесчувственного Власа. Сева попытался было узнать, за что Григорий так с товарищем командиром, но Григорий от его расспросов отмахнулся. Да и парню, видно, было не до того. От пережитого все они еще никак не могли прийти в себя.

В землянке Григорий быстро осмотрел Митяя, пощупал полыхающий жаром лоб, изучил рану на шее. Его собственных знаний хватило лишь на то, чтобы понять, что без медицинской помощи парень долго не протянет, умрет или от кровопотери, или от инфекции. Мелькнула шальная мысль дать Митяю умереть, чтобы потом тот восстал вот таким неутомимым и неубиваемым.

18 Но мысль эту Григорий тут же отбросил. Во-первых, не желал он единственному

сыну такой не-жизни, а во-вторых, в случае с Митяем смерть могла оказаться самым обыкновенным концом, а никаким не переходом в иное бытие. Значит, придется спасать. А перед этим договариваться с Власом.

Договорились! Не ошибся он в товарище командире. Не то чтобы доверился Головину сразу и всем сердцем, но точно знал, что если Влас и решится всадить ему в грудь осиновый кол, то сделает это спереди, а не со спины. Пока и этого факта хватало для того, чтобы записать Власа в союзники, а не в противники.

Собирались быстро. Да и нечего им было особо собирать! Разве только наспех побросали еду в вещмешки. Севу Григорий разбудил прямо перед выходом. Сам усypил, сам и будил. Сева вскинулся, завертел башкой, увидел неподвижного Митяя, бросился к нему. Подружились пацаны.

— Живой, — сказал Григорий устало. И едва не добавил: «Пока живой».

— Дядя Гриша, ему нужно к врачу. — Сева тоже первым делом потрогал Митяев лоб.

— Знаю. Вот товарищ командир обещал нас к врачу отвести.

На Власа Сева уставился одновременно с удивлением и облегчением.

— Про упырей он знает, — сказал Григорий. — А с Горынычем мы его потом как-нибудь познакоим.

По потемневшему лицу Власа было ясно, что знакомиться с Горынычем ему не хочется. А вот Сева, наоборот, обрадовался. Сева тоже понимал, что Влас хороший союзник.

Снаружи Горыныча не оказалось, носился где-то по своим собачьим делам.

Пришлось мастерить носилки из осиновых стволов и старого одеяла. Несли по очереди: то Сева с Григорием, то Влас с Григорием. Пока несли, Митяй ни разу не приходил в себя, но Григорий отчетливо слышал быстрое биение его сердца. Слишком быстрое, но тут уже ничего не поделать.

Горыныч нагнал их на рассвете, вынырнул из зарослей орешника. Горыныч вынырнул, а Влас отшатнулся, вскинул автомат.

— Тихо! Тихо, товарищ командир! Свои! — сказал Григорий успокаивающе и аккуратно поставил носилки с Митяем на землю. Мало ли, вдруг руки сейчас могут понадобиться. И даже непонятно, кого от кого придется защищать. — Горыныч, это свой.

Горыныч оскалился двумя головами, замер в нескольких метрах от Власа. Влас опустил автомат. Кремень-мужик! Сам бы Григорий, окажись на его месте, сразу бы начал палить. А этот ничего, держится.

Горыныч не стал обращать внимания на Власа, по-кошачьи крадущейся походкой подошел к носилкам, склонился над Митяем. Влас снова дернулся, Григорий предупреждающе схватил его за рукав.

— Не мешай, — сказал шепотом.

Горыныч лег рядом с Митяем, положил одну из голов ему на грудь. Теперь уже дернулся и сам Григорий. Не потому, что испугался, что пес причинит его сыну вред, а потому, что башка Горыныча весила немало, а сил у Митяя осталось в обрез, он и без этой тяжести на груди дышал еле-еле. Но обошлось. Горыныч голову тут же поднял, словно просто выслушивал сердцебиение. Поднял, вопросительно глянул на Григория. Тот ед-

ва заметно кивнул. Рядом с шумом вздохнул Влас. А Горыныч уже высунул длинный черный язык и языком этим принялся вылизывать Митяево лицо. Вылизывал долго и старательно, а когда закончил, в дело вступила Костяная башка — зависла над Митяем на этих своих позвонках, клацнула челюстями, застыла. Что там между ними происходило, Григорий не знал, но мог догадываться. Горыныч помогал его сыну продержаться. Точно так же он неделю назад помогал и самому Григорию.

— Что он делает? — спросил Влас и потянулся за папиросами.

— Что-то делает. — Григорий протянул руку, и Влас вложил в нее полупустую пачку.

Когда папироса догорела, Горыныч отошел от носилок, а Митяй пришел в себя. Он сел, осмотрелся. Вид у него был ужасный, не лучше, чем у упыря, но все же Митяй оставался человеком. Григорий был в этом совершенно уверен.

— Батя? — позвал Митяй и попытался встать.

— Я тут! — Григорий загасил папиросу, шагнул к Митяю, поддержал за плечи.

— Что это? Что со мной было?

— Отключился.

С другой стороны к Митяю уже спешил Сева. Влас не двигался с места, смотрел больше на пса, чем на Митяя. Ну да Григорию было не до Власа.

— Как себя чувствуешь? — спросил Сева, поднимая под безвольно болтающуюся Митяеву руку, помогая устоять на ногах.

— Нормально. — Тот попытался отстраниться. — Да что ты меня обнимаешь, как бабу?

— Смирно стой, — велел Григорий. — Никто тебя не обнимает.

Он по-прежнему чувствовал лихорадочное бие-
ние Митяева сердца, но жара уже не было. Инте-
ресно, надолго ли?

— А где?.. — Митяй снова принялся вертеть го-
ловой.

— Конец им, — ответил за Григория Сева.

— Это хорошо. — Митяй криво усмехнулся. —
А то я думал, что это нам конец.

— Будет и нам конец, если не поспешим, — по-
дал голос Влас. — Сам идти сможешь?

— Куда?

Влас задумался, наверное, прикидывал, сколь-
ко им нужно идти.

— Напрямую не попрямся. На дороге наверня-
ка будут патрули. Придется сделать крюк киломе-
тра в три, но так безопаснее. Тимофей Иванович
живет на окраине, через весь город идти не при-
дется.

— Тимофей Иванович? — Митяй вопроситель-
но посмотрел на Григория.

— Врач это, — сказал Григорий. — Тебе нужно
к врачу, сынок.

— Не нужен мне никакой врач! — Митяй по-
пытался высвободиться, пошатнулся и затих. Ха-
рактер есть, а сил, чтобы характер проявить, по-
ка нет.

— Пока сможем тебя нести, понесем, — ска-
зал Григорий таким тоном, что спорить никто
не стал. Даже Митяй. — Я не знаю, надолго ли
тебя хватит. А в город с носилками не сунешься,
значит, там придется уже на своих ногах. Выдер-
жишь?

— И не такое выдерживал. А где Горыныч?

22 А Горыныч словно только того и ждал —
к Митяю сунулась Костяная башка, привет-

ственно клацнула зубами. Григорий скорее почувствовал, чем увидел, как напрягся Влас. А Митяй погладил Костяную башку по черепушке, спросил:

— Это ж ты меня сейчас, да? Как тогда батю?

Костяная башка в ответ снова клацнула челюстями. Тяжело вздохнул, почти застонал Влас.

— С тобой, трехголовый, тоже надо бы что-то сделать, — сказал Григорий задумчиво. — Куда тебе, такому красивому, в город?

— Это он легко, — усмехнулся Митяй и заговорщически глянул на Севу. Тот кивнул. — Горыныч, а проверни-ка еще раз тот трюк!

Митяй едва стоял на ногах, был белым, что полотно, но во взгляде его читался детский восторг.

— Что еще за трюк? — только и успел спросить Григорий.

Спросить-то успел, а вот разглядеть сам трюк не вышло. Только что стояла посреди полянки трехглавая монстра — и вот уже вместо одного трехглавого два одноглавых пса. Нет, не два — три! Просто третий, с костяной башкой, едва различим и больше похож на призрака. Надо признать, очень страшного призрака. На память сразу пришла собака Баскервильей из любимой книги про Шерлока Холмса. Да, увидел бы Шерлок такую собачку, что бы сказал?

Шерлок ничего не сказал, сказал Влас.

— Да чтоб меня! — Вот, что он сказал и, кажется, едва не перекрестился.

— Разделяю твоё изумление, Влас Петрович, — согласился Григорий. — Трюк и в самом деле удивительный.

Он критическим взглядом осмотрел двух Горынычей. Конечно, на дворовых псов они никак не походили, но у каждого из них бы-

ло хотя бы по одной голове. А что глазюки горят красным и хвосты что кнуты... Ну, такие вот особенности породы! А Костяную башку и вовсе можно не заметить. Что-то подсказывало Григорию, что именно Костяную башку следует отправлять в разведку.

Так они и сделали, когда вышли к городской окраине. Окраина эта ничем не напоминала город. Те же деревянные домишки, та же непролазная грязь, что и везде по весне. Но там, за домишками, виднелись и двухэтажные кирпичные дома, а еще дальше и несколько пятиэтажных. Город хоть и был провинциальный, но не захолустный.

— Костяная башка, ты вперед! — велел Григорий. — Дай нам знать, если что. А вы, — он глянул на двух Горынычей, — держитесь, наверное, поблизости.

Носилки бросили еще на опушке леса, и теперь Митяй шел своими собственными ногами. Григорий с Севой поддерживали его с двух сторон, чтобы не упал. Чувствовалось, что сил у Митяя осталось совсем мало. И жар возвращался.

— Далеко еще? — Григорий обернулся к Власу.

— Вон его дом! — Влас указал на стоящий на отшибе домик. Сейчас главное — до него добраться.

Это было не самое простое задание, потому что весеннее солнце уже светило вовсю, жгло лоб словно каленым железом. Григорий впервые пожалел, что не носит шапки. Сейчас бы шапка ох как пригодилась. И морду бы чем-нибудь прикрыть.

На морду он натянул шарф. Почти до самых глаз. Взьерошил волосы, закрывая изрядно отросшими кудрями лоб. Свободную руку спрятал в карман. Полегчало. Похоже, солнце

его не испепелит, все это сказочки и враки! Но вот на пляже ему отныне не валяться.

Откуда ни возьмись объявился Костяная башка. Вот прямо из воздуха, если уж начистоту.

— Ну? — спросил Григорий. — Тихо все?

Костяная башка слабо вильнул костяным хвостом, снова исчез.

К дому доктора шли с максимально возможной скоростью, Митяя тащили почти волоком. Со стороны они, наверное, походили на компанию загулявших пьянчуг.

Запертую калитку Григорий открыл под многозначительным взглядом Власа. Открыл без особых проблем, втокнул внутрь Митяя, сунулся сам. Двор охраняла лохматая дворняга. Должна была охранять, но сейчас она молча лежала, распластавшись на земле, у лап одного из Горынычей. Вот и хорошо, лишний шум им ни к чему.

Дальше действовал Влас, крадущейся походкой подошел к крыльцу, постучал в окошко условным стуком. Какое-то время — Григорию показалось, что целую вечность, — ничего не происходило, а потом по-стариковски сухая рука отдернула занавеску, в окне показалось сморщенное, похожее на печеное яблоко лицо.

— Кто там? — сварливо спросил скрипучий голос.

— Свои, Тимофей Иванович, — сказал Влас и встал так, чтобы старик мог его разглядеть.

Разглядывали Власа долго, снова целую вечность, а потом занавеска вернулась на прежнее место, и потянулись минуты ожидания.

— Что-то он не спешит, — сказал Григорий зло.

— Возраст. — Влас пожал плечами. —

Сейчас откроет.

Словно в подтверждение его слов из-за двери послышались шаркающие шаги, и дверь с неожиданной силой распахнулась.

— Что ж вы такое творите, Влас Петрович? — послышался из полумрака сеней все тот же сварливый голос. — Фрицы кругом, а вы среди бела дня!

— Обстоятельства, Тимофей Иванович, — сказал Влас, как показалось Григорию, смущенно. — Мы войдем?

— Да заходите вы уже быстрее! Одного не могу понять, почему Жучка молчит? Она ж чужих непременно облаивает.

— Так мы свои, — сказал Григорий, втаскивая в сени Митяя. Следом задвинулся Сева. Влас вошел последним и тут же запер дверь на засов.

— Идите в комнату! — велел старик. Его скрюченный силуэт уже виднелся в дверном проеме. — Раненого кладите на диван. Я сейчас приду, только вымою руки.

Вдвоем с Севой они уложили окончательно обессиленного Митяя на обшарпанный кожаный диван и остались стоять над ним истуканами.

Старик вернулся на удивление быстро, в руках у него был потертый медицинский чемоданчик. Сам же он чем-то неуловимо напоминал Зосимовича, хоть и был лет на двадцать старше.

— Ну-с, давайте посмотрим, что у нас тут, — сказал он, закатывая рукава некогда белой, а сейчас пожелтевшей от частых стирок сорочки. Глядя на эту сорочку, Григорий как-то сразу понял, что живет Тимофей Иванович один, без женщины. Ни одна уважающая себя хозяйка не допустила бы такого безобразия. Вот его Зося все белое сначала кипятила, а потом еще и крахмали-

ла. В сердце кольнуло. Как давно он не вспоминал свою Зосю? Давно... Но сейчас воспоминание это было светлым, не пугающим. И перед внутренним взором Зося встала той, какую он привык видеть и хотел помнить, — веселой, рыжеволосой, зеленоглазой.

А старик уселся на придвинутый Власом табурет, на соседний поставил свой уже раскрытый чемоданчик. Лицо его выражало теперь не неудовольствие, а озабоченность.

— Разденьте его, — сказал он, прилаживая на переносицу очки. Одно из стекол было разбито, дужка замотана пластырем. — Ну, давайте живее, господа!

— Господа, — хмыкнул Сева, но под строгим взглядом Григория тут же залился смущенным румянцем.

Митяя Григорий раздел сам. Раздел, отступил в сторонку, вперил взгляд в старика. Тот, вопреки своей прежней неспешности, сейчас действовал быстро и ловко. На весь осмотр ушло совсем немного времени.

— С лихорадкой понятно... — бубнил он себе под нос, — лихорадка из-за пневмонии. Но, господа, имеет место серьезнейшая кровопотеря. Откуда?

Он снизу вверх посмотрел сначала на Власа, потом на Григория.

— Мы не знаем, Тимофей Иванович, — быстро сказал Влас. — Отбили парня у немцев уже вот таким.

Это был правильный ответ, и за этот ответ Григорий был Власу безмерно благодарен. А старик уже внимательно разглядывал запястье Митяя. То самое, со следами...

— Странная рана, — снова бубнил он себе под нос. — Странная, но ведь не смертельная? А других я не вижу. И внутреннее кровотечение я могу исключить с высокой долей вероятности. Не понимаю! — Он отпустил руку Митяя, и та безвольно повисла.

— Доктор, что-нибудь можно сделать? — спросил Григорий и не узнал собственный голос.

— Все, что от меня зависит, но меня изрядно смущает эта казуистика. Сделать бы сейчас общий анализ крови... Эх, нет у меня доступа к лаборатории!

— Тимофей Иванович, надо парня спасать, — сказал Влас очень тихо и очень твердо. — Если мы хоть чем-то можем вам помочь...

— Можете. — Старик со стоном встал с табурета. Даже стоя он был ниже Григория на две головы. — Но мне нужно знать его группу крови...

— Четвертая! — сказал, почти выкрикнул Григорий. — Четвертая, я точно знаю. У него в детстве был фимозный аппендицит...

— Флегмонозный, — поправил доктор ворчливо. — Флегмонозный аппендицит.

Григорию это казалось незначительным, но спорить он не стал.

— Как скажете, доктор. Но про четвертую группу я точно знаю.

— Универсальный реципиент, — старик удовлетворенно кивнул. — Это хорошо. А вы родственник?

— Отец.

28 — И какая у вас, сударь, группа крови?
— Я не знаю...

На самом деле он знал, четвертая, резус положительный. Как и у Митяя, но разве можно переливать сыну такую кровь?..

— У меня первая, — выступил вперед Влас. — Тимофей Иванович, помните, когда Степана Липского ранили, вы ему мою кровь переливали? Вы меня тогда тоже называли универсальным...

— Донором. Вы, Влас Петрович, универсальный донор. И, наверное, можно утверждать, что молодому человеку повезло.

— Он у меня фартовый, — сказал Григорий шепотом.

— Ну, о фартовости его мы будем судить после инфузии, — проворчал старик. — А теперь работаем, господа! Мне потребуется помощь!

И как-то все завертелось-закрутилось. Они только и успевали выполнять распоряжения Тимофея Ивановича. А когда началось само... переливание, Григорий вышел из дома. Нет, ему не хотелось крови. И желания впиться в чью-нибудь глотку у него тоже не было. Но показалось, что так будет правильнее и надежнее. От греха подальше, от этого острого, с металлическими нотками кровавого духа.

Снаружи его ждали оба Горыныча. Костяная башка, видно, где-то шлялся. Лохматая докторская собачонка забилась в будку и не казала носа. Григорий пошарил по карманам, нашел папиросы, закурил.

— Вот такие дела, — сказал он одному из Горынычей. И тот, кажется, кивнул в ответ. — Как жить-то нам теперь?

Горыныч лег у его ног, положил голову на черные, как ночь, лапы, закрыл глаза.

— Как думаешь, если фон Клейст жив, то, может, и Танюшка тоже?

Горыныч открыл глаза, посмотрел очень внимательным, испытующим взглядом.

— Я обещал помочь тебе ее отыскать. Помню. — Григорий глубоко затаился. — Я все для этого сделаю, если придется, костями лягу. Дай мне только Митяя вытащить. Перед ним у меня тоже должок. Понимаешь?

Горыныч вздохнул и вдруг положил голову Григорию на колени. От Горыныча шел холод. Если бы Григорий был очень впечатлительным, то сказал бы — могильный холод, а так лишь поежился и поднял воротник. Второй Горыныч тоже улегся рядом, обвил длинным змеиным хвостом щиколотки Григория, тихо рыкнул. Григорий и его погладил по голове. Для полной пасторали недоставало лишь Костяной башки. Но этот всегда был сам по себе. Такой вот свободолюбивый.

— Вы только деду на глаза не кажитесь, — сказал Григорий шепотом. — Вообще никому не кажитесь. Издалека вы, может, за собак и сойдете, но только издалека.

Оба Горыныча синхронно вздохнули. Папиросу Григорий докуривал в молчании. А потом еще долго сидел на крыльце, не решаясь войти в дом, где, как он был уверен, все еще пахло кровью. Он уже думал, не заглянуть ли для начала в окошко, когда позади скрипнула дверь. Нет, сначала он услышал тихие шаги и по шагам этим безошибочно признал Власа, а потом уже скрипнула дверь.

— Есть закурить?

30 Влас с опаской покосился на Горынычей, тяжело опустился рядом, посмотрел вопро-

сительно. Левую руку он держал согнутой в локте. И пахло от него... Ну, кровью и пахло.

— Что там? — спросил Григорий, протягивая Власу папиросу.

— Перелили. — Влас закурил, и ядреный табачный дух перебил запах крови. — Уж не знаю, сколько Тимофей Иванович из меня выкачал, но чувствую я себя сейчас прескверно. Как он держался, а?

— Не знаю. — Григорий пожал плечами. — Крепкий он у меня, крепкий и настырный.

— Ну, что настырный, это я заметил. — Влас усмехнулся. — Сам-то как?

— Нормально.

— А поконкретнее?

— Поконкретнее? Ну, в глотку тебе впиться мне все еще не хочется.

— Хорошо. — Влас вздохнул с явным облегчением.

— Спасибо тебе, Влас Петрович. — Не думал Григорий, что когда-нибудь доведется ему благодарить товарища Головина, а вот довелось.

— Да не за что, — отмахнулся тот.

— Ты ему жизнь спас.

— Хорошо, если спас. Ты, Гриня, не радуйся раньше времени. Тимофей Иванович мужик мировой и врач от бога, но тут многое будет и от твоего Митяя зависеть.

— Если только от Митяя, то я спокоен, — усмехнулся Григорий. — Но перед тобой у меня все равно должок.

— Должок, — сказал Влас очень серьезно. — И требовать его с тебя я не премину.

— Стребуешь. — Григорий загасил папиросу, встал. — Только дай на сына снача-

ла посмотрю. Ты со мной или с собачками посидишь?

— С тобой. — Влас тоже встал. — Не привык я еще к этим твоим... собачкам.

Горынычи тихо заворчали — снова синхронно, но не зло.

— Они к тебе пока тоже не привыкли, но что уж теперь?

Григорий толкнул дверь, пропустил Власа вперед, вошел следом.

Вопреки опасениям, в комнате больше пахло самогоном, который доктор использовал вместо спирта, чем кровью. В стоящем на табурете железном лотке лежал шприц и еще какие-то незнакомые Григорию инструменты. Митяй лежал на диване с закрытыми глазами. Кожа его по-прежнему была бледна, но сердце билось уже ровнее и спокойнее.

— Ну, готово дело, — сказал Тимофей Иванович, вытирая руки полотенцем. — Переливание мы ему сделали, лекарство укололи. Остается следить за реакцией организма и ждать.

— Спасибо, доктор! — сказал Григорий почувствованно.

— Одним «спасибом» не отделаетесь, молодой человек. — Усталым жестом старик снял очки. — И от вас потребуются помощь. Надеюсь, вы можете и своему сыну, и моим будущим пациентам. Необходимых лекарств у меня осталось на сутки, а дальше все... Нечем лечить.

— Добуду, — сказал Григорий, не раздумывая. — Вы только скажите где.

— Вот в том-то и проблема. Раньше я все необходимое покупал у одного... спекулянта, но он пропал из города.

— А где брал лекарства спекулянт? — спросил Григорий нетерпеливо.

— Полагаю, в городской больнице. — Тимофей Иванович покачал головой, поправил сам себя: — Когда-то городской, а сейчас немецкой. Выхода у меня на эту больницу никакого нет. С момента оккупации я побывал там лишь однажды. Так сказать, по приглашению.

— По приглашению? — удивился Григорий.

Григорий удивился, но и сам доктор, казалось, удивился еще сильнее. Он замер перед столом. Его рука, сжимающая очки, зависла в нескольких сантиметрах над старой плюшевой скатертью, словно бы Тимофей Иванович хотел положить очки на стол, но в самый последний момент передумал.

— Что вы сказали, молодой человек? — спросил он и свободной рукой потер подслеповатые, слезящиеся глаза.

— Это вы сказали, Тимофей Иванович, что посещали больницу по приглашению.

— Оговорился. — Старик покачал головой и положил-таки очки на стол. — Работал я там. Еще до пенсии. А когда началась оккупация, приходил сам к этому их новому начальству Рихарду Штольцу.

— Зачем? — Кажется, пришло время Власу удивляться.

— С просьбой, Влас Петрович. Я ходил к нему с просьбой. Хотелось мне тогда думать, что иду я на разговор коллеги с коллегой, а получилось, что на поклон. Здание больницы они заняли полностью. Под госпиталь. Ну, вы это и без меня знаете.

Влас кивнул, задумчиво посмотрел на Григория. Интересно, о чем думал?

— Из персонала там не осталось почти никого. Я врачом имею в виду. Две сестры милосердия и одна санитарка — вот и весь персонал. Война — не война, но люди-то болеть не перестали. Я бы даже сказал, наоборот. Когда разруха, голод и антисанитария, чего хорошего ждать? А я, старый дурак, все равно ждал. Просил разрешить мне вести в больнице прием гражданского населения. Понимаете, не все манипуляции можно сделать вот так... в домашних условиях. Бывает, что нужна и перевязочная, и операционная. И медсестра у меня на примете уже имелась. Лидочка, очень способная девочка. Если бы не война, стала бы замечательным врачом.

Лидочка? Григорий бросил вопросительный взгляд на Власа, тот молча кивнул, мол, да, та самая Лидочка.

— А даст бог, так еще и станет. — Тимофей Иванович тоже посмотрел на Власа. — Как она там, оправилась?

— Оправилась, кажись... — сказал Влас не особо уверенно.

А Григорий точно знал, что не оправилась, и неизвестно еще, когда сумеет оправиться. Потому что кричит по ночам, потому что сны ее душевные и страшные. Пыточные сны.

— Хорошо, — старик кивнул. — Вы ей при случае передавайте от меня привет. Скажите, велел кланяться Тимофей Иванович. Хорошая девочка. Да...

— Доктор, вы про больницу говорили, — напомнил Влас. — Про свою просьбу.

— Ну, теперь, надеюсь, понятно, что из этой моей просьбы вышло. Не скажу, что прогнали меня взащей. Штольц меня даже выслу-

шал. Улыбался всю дорогу, кивал, а потом сказал, что ничем не может помочь. Что жизнь одного немецкого солдата в разы важнее жизней всех гражданских, вместе взятых. Но снизошел... — Тимофей Иванович усмехнулся. — Впечатлил его мой немецкий, не иначе. Разрешил вести частную практику, пообещал обеспечить лекарствами и инструментами. Обманул, негодяй. Так ничего мне и не выделили. Сначала перебивался старыми запасами, потом потихоньку начал продавать фамильное серебро. — Он снова усмехнулся. — Вынес из дома все ценное, а теперь вот и спекулянт мой пропал.

— Но в больнице лекарства есть? — спросил Григорий.

— И лекарства, и перевязочный материал. Я в этом абсолютно уверен.

— Раз есть, значит, я вам их доставлю.

— Молодой человек! — Старик снова нацепил очки на нос, посмотрел на Григория сквозь толстые стекла. — Я должен вас предупредить, это опасная затея. Больницу охраняют. Особенно после того, как наша Лидочка... — Он вздохнул и продолжил: — После ареста Лидочки. Она ведь тогда всю вину взяла на себя, про меня даже словечком не обмолвилась. Знаю, что сейчас она в относительной безопасности, но как подумаю, что ей пришлось выдержать, сердце кровью обливается. Пожалела старика.

У Григория тоже сердце обливалось кровью. Потому что ему и думать не нужно, ему было достаточно заглянуть в сны Лидии.

— Она сильная, Тимофей Иванович, — сказал Влас. — И она не вас пожалела. Не корите себя. Она просто четко понимала, что вы нужны нам на свободе.